

От Паноптикона до дрона: эволюция надзирающего взгляда и трансформация городского пространства

Евгений Блинов

«Колумбово яйцо в сфере политического», или Снятый с дрона японский замок

Замок города Ямагата, расположенный в столице одноименной провинции, был заложен в 1357 году и за шесть с половиной веков своей истории, подобно большинству японских замков, сменил множество хозяев и неоднократно перестраивался. В 1872-м, в соответствии с антифеодальными законами эпохи Мэйдзи [Benesch; Zwigenberg, 2019, p. 32], замок был выкуплен центральным правительством, его основные сооружения были разобраны, а территория, окруженная каменными стенами, использована для создания базы 32-го пехотного полка Императорской армии Японии. Стены избежали разрушительных бомбардировок 1945 года, когда японское командование неосмотрительно использовало для размещения штабов импозантные средневековые донжоны, или «тенсю» (яп. 天守, букв. «защитник небес»), ставшие легкой мишенью для американских пилотов [Benesch; Zwigenberg, 2019, p. 4]. Впрочем, с точки зрения теоретиков японского национализма, такое размещение имело глубокий смысл: после относительно короткого периода отказа от традиционной архитектуры во время ранней модернизации эпохи Мэйдзи, когда замки воспринимались как символ феодального регионализма, стремительная милитаризация общества требовала осязаемых символов, в которых совмещалась бы традиция и растущая мощь Японской империи. По замечанию современных исследователей, японские замки парадоксальным образом «были в первую очередь цитаделями модерна» и «символами власти и авторитета» [Benesch; Zwigenberg, 2019, p. 3–4].

Евгений Блинов, профессор Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (ТюмГУ); Российская Федерация, 625003, Тюмень, ул. Ленина, 23.
E-mail: moderator1979@hotmail.com

В статье предлагается ряд концептуальных замечаний об эволюции техник власти и надзирающего взгляда в контексте связанных с ними теорий безопасности, а также их влияние на трансформацию городского пространства. Развивается предложенная Мишелем Фуко идея о переходе от техники «исключения» или наблюдения за периметром безопасности в пределах городской черты к дисциплинарным техникам наблюдения за индивидами в изолированном пространстве. Дисциплинарная архитектура понимается как воплощение заранее выработанных представлений о нормализованном поведении в рамках дисциплинарных институтов, которые рассматриваются на примере госпиталя XIX века, построенного в соответствии с паноптическими принципами. На примере внедрения практики наблюдения при помощи дронов выдвигается гипотеза о формировании новой концепции надзирающего взгляда, которая является воплощением утопии о божественном оке. Обращение к анализу генеалогии американских боевых дронов, проделанному французским философом Грегуаром Шамаю, позволяет понять принципы нового диспозитива безопасности и потенциал его использования в полицейских или противоэпидемических мероприятиях. На этом основании делается вывод о влиянии эпидемических мероприятий и связанных с ними надзорных и трансформации городского пространства.

Ключевые слова: техники власти; надзирающий взгляд; паноптикон; боевые дроны; пандемия; городское пространство

Цитирование: Блинов Е. (2021) От Паноптикона до дрона: эволюция надзирающего взгляда и трансформация городского пространства // Городские исследования и практики. Т. 6. № 4. С. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp64202126-32>

Послевоенная оккупация уцелевших замков американскими войсками крайне болезненно воспринималась местным населением: в 1950-е годы были распространены протестные движения за «освобождение замков»¹. В 1960-е экономический рост и интерес к региональной идентичности превратили территории замков в музейное пространство: по всей Японии реконструируются ворота, донжоны и башни, не пережившие природных и политических катаклизмов. Подобно многим собратьям, замок Ямагаты также пережил множество трансформаций: в послевоенное время на его территорию переносится здание госпиталя префектуры Ямагаты, известное как Сайсекан. Оно превращается в городской музей. Этот госпиталь, сооруженный в 1878 году, представляет собой крайне любопытный пример так называемой псевдо-западной архитектуры, или гийофу². В своей основе он представляет собой паноптикон с башенками в японском стиле и садом в центре. Ставшее классическим фукольдианское описание дисциплинарного паноптикона предполагает помещенную в центре окружности башню, из которой ведется наблюдение [Фуко, 1999, с. 292]. Этот основной элемент также присутствует в Сайсекане: находившийся в центральной башне главный врач имел возможность наблюдать за всеми палатами (рис. 2). Таким образом, мы имеем совмещение двух исторически сложившихся секуритарных моделей: со стен замка в додисциплинарную эпоху велось наблюдение за городом и окрестными дорогами, из паноптической башни же велось наблюдение за тем, что происходило внутри госпиталя. Стены и башни замка предполагали, что надзирающий взгляд был направлен вовне, тогда как в стенах госпиталя происходила его полная инверсия. Стражники замка оглядывали доступный им периметр города, а персонал госпиталя пристально изучал все, что происходило в палатах. Безусловно, подобное совмещение было произведено искусственно в рамках музеефикации устаревавших секуритарных техник и соответствующих им архитектурных форм. Более того, чтобы увидеть бывший госпиталь внутри бывшего замка, нам потребуется прибегнуть к использованию еще одной секуритарной технологии, важным элементом которой являются летающие дроны. Такая перспектива будет в свою очередь виртуальной с учетом строгости японских законов, запрещающих использование дронов в центре города³.

Снятый с дрона замок с паноптическим госпиталем внутри периметра представляет собой образец того, что Фуко называл «колумбовым яйцом в сфере политического» [Фуко, 1999, с. 302] – простая и наглядная модель, на примере которой можно в об-

щих чертах описать историческую динамику специфических техник власти, связанных с определенными концепциями надзирающего взгляда. В этом коротком эссе я предлагаю ряд концептуальных замечаний относительно базовых принципов новой модели, которая в ближайшее время может вытеснить классический паноптизм.

От Аристотеля к Бентamu: хорошая обозримость снаружи и изнутри

Первую модель можно было бы назвать домодерным или классическим диспозитивом безопасности. В европейской традиции ее принято возводить к Аристотелю, предложившему критерий евсиноптизма, или хорошей обозримости идеального города, а точнее, греческого полиса:

...подобно тому как население государства, по нашему утверждению, должно быть легко обозримо, так легко обозрима должна быть и территория; «легко обозрима» значит, что ее легко можно защищать [Аристотель, 1983, с. 599].

Критерий хорошей обозримости важен для модели, которую Фуко назовет суверенитетом, а с ней, в свою очередь, коррелирует техника исключения или помещения за стены города всех нежелательных элементов. В знаменитом фрагменте из «Надзирать и наказывать» исключение анализируется Фуко на примере борьбы с эпидемией проказы, когда больные помещаются в лепрозории, расположенные вне городских стен [Фуко, 1999, с. 290–291]. При этом сама схема становится господствующей техникой власти и применяется не только по отношению к больным, но и ко всем потенциально опасным индивидам.

Согласно Фуко, техники власти трансформируются для решения новых задач, а конкретный ход этой эволюции демонстрируется на привилегированном примере борьбы с эпидемией чумы. Переход от исключения к дисциплине означает смену политического идеала:

Изгнание прокаженного и домашний арест больного чумой – разные политические мечты. Первая – мечта о чистой общине, вторая – о дисциплинированном обществе [Фуко, 1999, с. 290–291].

Обездвиживание становится «моделью идеального города», в котором все траектории и перемещения поддаются подсчету и контролю⁴. Новая модель предполагает сочетание «многочисленных переkre-

1. Мотивы и политическая ориентация протестующих были самыми разнообразными и варьировались от националистических до левых и прогрессистских. Как замечают Бенеш и Звигенберг, «освобождение означало разные вещи для разных людей» [Benesch; Zwigenberg, 2019, p. 223].

2. Выражение «гийофу-кенсику» (яп. 擬洋風建築) буквально означает «псевдозападная архитектура». Ее главной задачей была попытка «за счет плотницких работ симитировать здания, которые были построены каменщиками» [Stewart, 1987, p. 27].

3. Японские законы о дронах см: <https://uavcoach.com/drone-laws-in-japan/>.

4. Предложенная Фуко линия эволюции, разумеется, не является единственной возможной. Архитектура может тем или иным образом отражать существующие в конкретном обществе отношения власти, которые необязательно сводятся к фукольдианским схемам. См.: [Сеннет, 2016].

**Рис. 1. Пример
гигиены-кенсика,
или «псевдозапад-
ной архитектуры»**

Источник: фото
автора.

щивающихся надзоров, взглядов, которые должны видеть, оставаясь невидимыми» [Фуко, 1999, с. 250].

В соответствии с представлениями о возможных траекториях надзирающих взглядов эволюционирует и городская архитектура:

Тут развивается целая проблематика: проблематика архитектуры, которая создается отныне не просто для того, чтобы предстать взору (пышность дворцов), не для обеспечения обзора внешнего пространства (геометрия крепостей), а ради осуществления внутреннего упорядоченного и детального контроля, ради того, чтобы сделать видимыми находящихся внутри. Словом, архитектура теперь призвана быть инструментом преобразования индивидов: воздействовать на тех, кто в ней находится, управлять их поведением, доводить до них проявления власти, делать их доступными для познания, изменять их. Камни могут делать людей послушными и знающими. Старая простая схема заключения и ограждения (толстые стены, тяжелые ворота, затрудняющие вход и выход) заменяется расчетом числа окон и дверей, глухих и пустых пространств, проходов и просматриваемых мест [Фуко, 1999, с. 251].

Новая «дисциплинарная» архитектура создается для осуществления «упорядоченного и детального контроля», который принципиальным образом отличается от диспозитива «обзора внешнего пространства» или «геометрии крепостей» и предлагает инверсию надзирающего взгляда: из слежки за потенциальным вторжением извне она превраща-

ется в неусыпный контроль над повседневной деятельностью индивидов, помещенных внутрь дисциплинарного пространства, или, точнее, пространства, подвергнутого «дисциплинаризации». Исходя из этого принципа, «паноптическая» схема призвана обеспечивать максимально эффективный перманентный надзор, при котором надзиратель остается невидимым, создавая иллюзию своего постоянного присутствия.

Предметом надзора по Фуко является повседневное поведение «дисциплинированных» индивидов, а не просто возможность пересечения определенной границы тем, кто представляет потенциальную угрозу, то есть его появление в черте города. Дисциплина по определению предполагает уже сложившуюся модель нормального поведения: больные внутри госпиталя, заключенные в тюрьме, солдаты в казарме, дети в школе должны были вести себя в соответствии с представлениями о «выверенной муштре». Для исправления аномалий используются технологии «социальной ортопедии» с ее постоянным нормализующим надзором, отправление которого облегчали новые архитектурные формы. Если, в соответствии с приведенным выше определением Фуко, «камни делали людей послушными», то новая архитектура была своего рода дисциплиной в камне.

Однако дисциплинарный диспозитив в том виде, в котором он описан Фуко, имел одно вполне очевидное ограничение: он мог в полной мере осуществляться только *внутри* искусственно созданного пространства, обеспечивающего надзор за поведением индивидов. При этом Фуко, понимает, никогда не утверждал, что старые техники суверенитета и исключения полностью исчезли, однако в определенный исторический период они перестали быть доминирующими⁵. Не были дисциплинарные техники и кульминационным пунктом развития секуритарных технологий: уже во второй половине XVIII века зарождается новый диспозитив, который Фуко называет безопасностью. Он также является своего рода побочным продуктом противоэпидемических мероприятий, на этот раз направленных на борьбу с оспой, как доминирующим заболеванием эпохи⁶. Эта новая «технология населения» комбинирует непосредственное наблюдение со статистическими методами, позволяя не только и не столько

5. О совместимости моделей исключения и дисциплины в историческом контексте см.: [Блинов, 2021, с. 87–91].

6. Об историческом значении эпидемии оспы см.: [Фуко, 2011, с. 89–97].

**Рис. 2. Палаты
госпиталя**

Источник: фото
автора.

лечить больных, сколько предотвращать распространение болезни среди популяции. Становится возможным описание новой модели, дополняющей дисциплинарный взгляд и расширяющей горизонт предвидения.

Вероятно, мы уже не живем в дисциплинарных обществах в полном смысле слова. Как заметил Делез, «мы находимся в стадии всеобщего кризиса всех пространств изоляции» [Делез, 2004, с. 227]. Но что в таком случае должно прийти на смену идеально обозримому замкнутому пространству и будет ли оно связано с появлением новых архитектурных форм? Мы ощущаем на себе новый надзирающий взгляд, который претендует на то, чтобы стать всевидящим и, возможно, с куда большим на то основанием.

Технологический тоталитаризм и всевидящее око: дроны и проблемы норм

Пандемия COVID-19 стала причиной возрождения интереса к работам Фуко, в которых

7. О тенденциях начала пандемии см.: [Росса, 2020].

анализируется соотношение техник власти и эпидемических мероприятий, в особенности карантина как важнейшего фактора эволюции технологий наблюдения, связанных с любым диспозитивом власти. Текущая пандемия не только раскрыла глобальные проблемы неолиберальных реформ здравоохранения, но и до известной степени указала вектор развития, а точнее, возможную перспективу постдисциплинарного надзирающего взгляда.

Первопроходцем использования новых технологий стал Китай, и западная пресса привычно обвинила его в архаическом тоталитаризме, от которого предположительно отказался «демократический» мир: в феврале 2020 года, когда в Европе только начинался подъем заболеваемости, в целом ряде публикаций разоблачался «цифровой тоталитаризм», самым возмутительным проявлением которого была слежка с дронов за нарушавшими карантин гражданами⁷. Недолго просуществовавший консенсус сводился к тому, что население западных стран не примет жесткого локдауна по китайскому образцу, а тем более радикальных полицейских мер, направленных на его соблюдение: пандемию предполагалось остановить демократическими мерами и не тоталитарными технологиями, а солидарностью перед лицом угрозы. Излишне напоминать, что всего через два месяца опустевшие улицы европейских городов стали патрулировать полицейские дроны, которые, как внезапно выяснилось, уже давно имелись в распоряжении полиции европейских стран...

В этом смысле ход событий прямо подтвердил тезис Фуко о важнейшей роли эпидемических мероприятий для развития техник власти и особом месте надзирающего взгляда, а также косвенным образом связанное с ними представление о том, что эффективные технологии безопасности напрямую не зависят от типа политического режима и тем более языка его самоописания: исключение или дисциплина в фукольдиданской оптике не были эксклюзивными атрибутами демократических или авторитарных государств. Дрон в данном случае выступает как один из инструментов нового диспозитива безопасности, связанного с особым типом надзирающего взгляда. Именно этот диспозитив можно с куда большим правом назвать паноптическим.

Если стационарные камеры безопасности, следящие за определенными зонами, все еще можно отождествлять с дисциплинарными технологиями (хотя объем этого

«секуризованного» пространства постоянно расширяется), то обзор с дрона представляет собой новый тип надзирающего взгляда. Как указывает французский философ Грегуар Шамаю в новаторском исследовании боевых дронов, массовое использование как разведывательных, так и ударных дронов вызывает к жизни старую политическую фантазию о божественном оке:

Божественное око охватывает взором целый мир. Его взгляд куда пронзительнее обычного: под кожей феноменов он может видеть почки и сердца. Ничто от него не сокрыто. Оно есть вечность и потому охватывает все времена, прошлое и будущее. И его знание – это не просто знание. Всезнанию свойственно всемогущество. Во многих отношениях дрон с помощью технологий стремится стать своеобразным воплощением фантазии о божественном оке [Шамаю, 2020, с. 47].

В каком смысле камера дрона может стать аналогом всевидящего ока? Хотя ставшая классической и переведенная на многие языки работа Шамаю сосредоточена на теории и практике применения боевых дронов, она, на мой взгляд, также описывает базовые принципы нового диспозитива безопасности, применение которого не ограничивается «глобальной войной с террором». Более того, еще в 2013 году он предупреждал о практически неизбежной «конверсии» военных технологий:

Остается выяснить, смогут ли общества, в которых «общественное мнение» не смогло воспрепятствовать использованию подобных технологий на «войнах», ведущихся в другой части света, резко мобилизоваться, чтобы воспрепятствовать распространению полицейских дронов, поняв, что эти процедуры будут направлены и на них. Необходимо осознать, что это будущее, которое нам обещано, если мы не сможем ему помешать: мобильные вооруженные устройства видеонаблюдения в распоряжении воздушной полиции вашего района [Шамаю, 2020, с. 235].

Остается констатировать, что первый этап внедрения этих технологий уже пройден и «общественное мнение» свободных стран в целом согласилось на использование новых технологий слежения, пусть даже в исключительной ситуации панде-

мии. Однако тезис о новом паноптизме, который становится возможным с появлением дронов, нуждается в обосновании, которое приводит на страницах своего исследования Шамаю.

Теория дрона описывает общие принципы «дронизированной охоты на человека», которая является частью глобальной американской стратегии превентивных действий по борьбе с террором. Однако, на мой взгляд, при необходимости их можно легко спроецировать на полицейские операции внутри города или, в недалеком будущем, на эпидемические мероприятия, когда летальная функция ударных дронов заменяется на нелетальное оружие или полицейские меры по изоляции потенциально зараженных индивидов. Шамаю подробно описывает процесс слежки и уничтожения важных элементов «террористических сетей», ключевым инструментом которого являются ударные дроны типа Predator, которые одновременно собирают информацию (снимая, записывая и перехватывая сигналы) и наносят удары на поражение, часто в кооперации с пилотируемыми аппаратами. Между первичным сбором информации и решением о нанесении удара, которое принимают специалисты в командном пункте, помещаются комплексные механизмы обработки данных.

На основании анализа американских военных отчетов Шамаю выделяет шесть главных принципов «дронизированной охоты» [Шамаю, 2020, с. 47–53]. «Принцип постоянного взгляда или неусыпного наблюдения» предполагает, что наблюдение при помощи «механического глаза» дрона позволяет снять ограничения, связанные с биологическими циклами персонала. «Принцип тотализации перспектив, или синоптический взгляд» усиливает это преимущество, позволяя вести наблюдение одновременно из самых различных точек. «Принцип тотального архивирования, или съемки каждой жизни» позволяет не только наблюдать, но и создавать подробный архив наблюдаемых индивидов в соответствии с «принципом слияния данных», который предполагает анализ видеоматериалов, телефонных разговоров, данных соцсетей и геолокации. Наконец, «принцип схематизации жизненных форм» и «принцип обнаружения аномалий и превентивной антиципации» позволяют создать некий единый нарратив относительно норм индивидуального или группового поведения объектов наблюдения, позволяющий в случае их изменения принять некие «превентивные меры». На практике это означает, что, со-

гласно предположениям спецслужб, подозреваемые в террористической деятельности переходят от подготовки к прямым враждебным действиям, и это является достаточным основанием для нанесения по ним удара противотанковой ракетой Hellfire все с тех же дронов.

Технологии слежения, отработанные на полях «глобальной войны против террора», все больше банализируются и применяются в «мирных целях». Подобно многим полицейским технологиям (таким, как сбор отпечатков пальцев, прослушивание разговоров или перлюстрация почты и т. д.), они больше не требуют санкции суда и не направлены на стигматизацию или «дисквалификацию» преступника или подозреваемого. На примере эпидемических мероприятий легко увидеть, что «подозреваемым» может оказаться практически любой индивид, хотя анализ данных позволяет выделить потенциальные группы риска на основании посещения зараженных зон и т. д. Важной задачей становится анализ общих принципов функционирования нового диспозитива власти и связанной с ним системы наблюдения.

Всевидящее око нового надзирающего взгляда очевидным образом преодолевает ограниченность старой дисциплинарной модели и способно охватывать как искусственно закрытые пространства (в черте города или внутри дисциплинарных учреждений), так и открытые и даже практически неосвоенные человеком пространства: американские «Хищники» часто охотились в горах или пустынях. Оно не ограничивается визуальным наблюдением, а производит комплексный анализ данных, которые, как предполагается, позволяют предсказывать поведение отдельных индивидов или групп и действовать на опережение. В этом смысле подобный диспозитив безопасности больше не зависит от априорных представлений о норме, которые были заложены в дисциплинарную архитектуру. Как и предсказывал Фуко, «власть изобретает» нормы, которые в будущем переформируют городское пространство. И уклониться от этих норм будет намного сложнее, чем от навязанных исключением границ или возведенных дисциплиной стен и внутренних отделений. Всевидящее око будет непосредственно связано со всемогущими агентами безопасности, которые смогут как локализовать потенциально опасного индивида, так и заблокировать его физический доступ к общественному транспорту или цифровой доступ к банковским картам. В крайнем случае он может быть нейтрал-

зован при помощи летального или обезврежен при помощи нелетального оружия.

Итак, мы в общих чертах проанализировали эволюцию надзирающего взгляда в его связи с более общими концепциями диспозитивов безопасности и их архитектурными формами. Для этого мы предложили мысленный эксперимент, легко выполнимый на практике, и «облетели» на дроне средневековый японский замок, внутри которого расположен госпиталь, выполненный в соответствии с представлениями о дисциплинарной архитектуре. Замки с их геометрией крепостей предполагали исключаящий надзор за чертой города, за пределы которой помещались потенциально опасные индивиды. Госпитали дисциплинарной эпохи производили инверсию надзирающего взгляда, перенаправляя его на внутреннее изолированное пространство, в рамках которого осуществлялась нормализация индивидов по заранее установленному образцу. Наконец, дроны, интегрированные в информационные сети, делают надзирающий взгляд всепроникающим и потенциально готовым к любому изменению норм, которые могут задаваться самими индивидами. Все указанные диспозитивы безопасности непосредственно влияют на архитектурные решения и в широком смысле трансформацию городского пространства.

Источники

- Аристотель (1983) Политика // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль. Т. 4.
- Блинов Е. (2021) «Царствующая болезнь»: Фуко об институциональном смысле эпидемий и «компактных моделях» отношений власти // Логос. № 2 (141).
- Делез Ж. (2004) Переговоры. СПб.: Наука.
- Фуко М. (1999) Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem.
- Фуко М. (2011) Безопасность, территория, население. СПб.: Наука.
- Сеннет Р. (2016) Плоть и камень. Тело и город в цивилизации Запада. М.: Strelka Press.
- Шамаю Г. (2020) Теория Дрона / пер. с фр. Е. Блинова. М.: Ад Маргинем.
- Benesch O., Zwigenberg R. (2019) Japan's Castles. Citadels of Modernity in War and Peace. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rocca J.-L. (2020) Coronavirus, Neoliberalism and Totalitarianism: The Case of China, 9.04.2020 // SciencesPo. Режим доступа: <https://www.sciencespo.fr/cei/en/content/coronavirus-neoliberalism-and-totalitarianism-case-china.html> (дата обращения 15.09.2021).
- Stewart D.B. (1987) The Making of a Modern Japanese Architecture, 1868 to the Present. N.Y.: Kodansha International.

**FROM PANOPTICON TO THE DRONE:
THE EVOLUTION OF SURVEILLING GAZE AND
THE TRANSFORMATION OF THE URBAN SPACE**

Evgeny Blinov, Professor at Institution of Humanitarian and Social Studies, University of Tyumen (UTMN); 23 Lenin str., Tyumen, 625003, Russian Federation.
E-mail: moderator1979@hotmail.com

Abstract. This article offers some conceptual remarks on the evolution of the techniques of power and the so-called “surveilling gaze” in the theories of security and its impact on the transformation of the urban space. The author develops Michel Foucault’s idea of the movement from techniques of exclusion or the surveillance of a security perimeter of a city to the disciplinary techniques of the surveillance of individuals in an isolated space. Disciplinary architecture is an embodiment of a number of previously elaborated concepts of normalized behavior in the context of disciplinary institutions. An example is a 19th century hospital built according to the ideas of panopticism. Using material from the American military practice of using combat drones, the author develops a hypothesis of the formation of a new conception of the surveilling gaze that aims to realize the utopian idea of the Eye of God. The arguments proposed by philosopher Grégoire Chamayou are used to justify the understanding of the basic principles of a new dispositive of security and its potential in police work and the enforcement of antiepidemic measures. In conclusion, the author discusses the influence of antiepidemic measures with their specific surveillance techniques on the transformation of the urban space.

Keywords: techniques of power; surveilling gaze; panopticon; combat drones; pandemics; urban space

Citation: Blinov E. (2021) From Panopticon to the Drone: The Evolution of Surveilling Gaze and Transformation of the Urban Space. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 4, pp. 26–32. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp64202126-32>

References

- Aristotel’ (1983) *Politika* [Politics]. *Sobranie sochinenii: v 4 t. T. 4* [Collected works in 4 volumes. Vol. 4]. M.: Mysl’ [Moscow: Thought Publishing House]. (in Russian)
- Benesch O., Zwigenberg R. (2019) *Japan’s Castles. Citadels of Modernity in War and Peace*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blinov E. (2021) «Tsarstvuyushchaya bolezni»: Fuko ob institutsional’nom smysle epidemii i «kompaktnykh modelyakh» otnoshenii vlasti [The Prevailing Disease: Foucault on the Institutional Meaning of Epidemics and Compact Models of Power Relations]. *Logos* [Logos], vol. 2 (141), pp. 79–104. (in Russian)

- Deleuze Zh. (2004) *Peregovory* [Negotiations]. SPb: Nauka [Saint Petersburg: Publishing House Nauka]. (in Russian)
- Fuko M. (1999) *Nadzirat’ i nakazyvat’* [Discipline and Punish]. M.: Ad Marginem. (in Russian)
- Fuko M. (2011) *Bezopasnost’, territoriya, naselenie* [Security, Territory, Population]. SPb.: Nauka [Saint Petersburg: Publishing House Nauka]. (in Russian)
- Rocca J.-L. (2020) *Coronavirus, Neoconservatism and Totalitarianism: The Case of China*, 9.04.2020. *SciencesPo*. Available at: <https://www.sciencespo.fr/cei/en/content/coronavirus-neoconservatism-and-totalitarianism-case-china.html> (accessed 15 September 2021).
- Sennett R. (2016) *Plot’ i kamen’*. Telo i gorod v zapadnoj civilizacii [Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization]. M.: Strelka Press. (in Russian)
- Shamayu G. (2020) *Teoriya Drona* [Drone Theory]. M.: Ad Marginem. (in Russian)
- Stewart D.B. (1987) *The Making of a Modern Japanese Architecture, 1868 to the Present*. N.Y.: Kodansha International.